

Российская академия наук
Ордена Ленина Сибирское отделение
Институт истории

На правах рукописи

ЗВЕРЕВ Владимир Александрович

**ВОСПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск – 1992

Работа выполнена в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант – член-корреспондент РАН Л.М. Горюшкин

Официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор Н.Я. Гушин; доктор исторических наук, профессор Н.А. Миненко; доктор исторических наук, профессор В.Н.

Худяков

Ведущее учреждение – Томский государственный университет, Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири

Защита состоится 28 декабря 1992 г. в 15 часов на заседании специализированного совета Д 002.77.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Институте истории СО РАН (630090, г. Новосибирск, 90, проспект Академика Лаврентьева, 17)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН

Автореферат разослан 26 ноября 1992 г.

Ученый секретарь специализированного совета
доктор исторических наук И.М. Савицкий

ЗНАЧЕНИЕ ТЕМЫ. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы. В социальных катаклизмах нашего века распалась не только преемственность общественных институтов, но также в значительной степени – демографическая и социокультурная связь поколений многих россиян. Сейчас идут поиски новой слаженности межвозрастных, семейных, педагогических отношений, которая пришла бы на смену канувшему в прошлое «ладу» традиционной системы отношений между «отцами и детьми». Начинается восстановление крестьянства как одного из основных классов общества, казачества как своеобразного этносоциального типа населения. Значит, предстоит возродить и механизмы межпоколенной передачи через семью, сельское сообщество тех культурных и поведенческих традиций, без которых не могут полноценно существовать большие социальные группы.

Воспроизводство населения – основы и субъекта всего общественного развития – находится в критическом положении. Об этом свидетельствуют резкое сокращение рождаемости и повышение детской смертности, отрицательные показатели естественного прироста населения России, прекращение роста продолжительности жизни. Снижается качество работы сети здравоохранения, народного образования, дезорганизована система внешкольного воспитания детей, распространяется аморальное и криминальное поведение.

В такой обстановке практики – государственные деятели, местные руководители, медики, педагоги – ищут выхода и обращаются, в частности, к вековому народному опыту организации трудовой, семейной и общественной жизни, охраны здоровья, воспитания детей. Этот опыт обеспечивал более или менее успешное возобновление поколений людей даже в самых тяжелых условиях многолетних неурожаев, стихийных бедствий и эпидемий, кровопролитных войн. Много в нем остается жизнеспособным и сейчас. Но рациональные и прогрессивные элементы «воспроизводственного» поведения народа нуждаются в предварительном выявлении и конкретно-историческом описании.

Объект изучения. В качестве основного объекта и одновременно субъекта воспроизводства в диссертации рассматривается русское крестьянское население сельской местности Сибири.

Во 2-й половине XIX – начале XX вв. в сельской местности проживало более 90 % населения региона. По данным Всероссийской переписи 1897 г. почти 4/5 деревенского населения составляли «лица сельского состояния» – русские крестьяне и казаки (соответственно 725,7 и 51,9 на 1000 человек), близкие друг другу по классовому и сословному положению, культуре и образу жизни. Данные категории в диссертации зачастую условно объединяются под названиями «крестьянство», «крестьянское население».

Демографическая и социокультурная ситуация в крестьянской среде в значительной степени определяла характеристику и динамику сибирского народонаселения в целом.

Автор диссертации старался характеризовать главным образом основные и общие для всех классовых, сословных, конфессиональных, а также территориальных групп крестьянства черты образа жизни. Но во многих случаях предмет исследования обусловил необходимость, а литература и источники предоставили возможность раскрывать специфику важнейших категорий крестьянства – верхнего, среднего и нижнего социальных слоев, казачества, крестьян-старожилов, переселенцев, старообрядцев, территориальных групп.

В качестве действующих субъектов в исследовании предстают малые социальные группы – семья, деревенское и волостное общество и др. В ряде случаев картина индивидуализирована: высвечены личностные различия стилей поведения, показан индивидуальный вклад некоторых передовых сельчан в реформирование системы социализации молодежи.

Предмет исследования. Воспроизводство населения рассматривается в диссертации через призму более широкой категории образа жизни. Мы исходим из следующего определения этого феномена: «Образ жизни – это способ или характер всей жизнедеятельности данной личности, социальной группы или всего общества, детерминированный их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями их жизни»¹ (можно выделить и другие группы условий). Ведя определенный образ жизни, т. е. реализуя созданные на основе своих представлений о мире и человеке программы поведения, субъекты воспроизводят – формируют, сохраняют, видоизменяют или вовсе заменяют – и объективные условия жизни, и самих себя, свою ментальность и свои культурные программы, средства их реализации в ходе смены поколений и миграции. Поэтому во внутренней структуре образа жизни можно вычленить следующие поведенческие сферы:

1. *Воспроизводство населения:* физическое (демографическое поведение), социокультурное (социализация новых поколений).

2. *Воспроизводство условий жизни населения:* а) природных (хозяйственная деятельность); б) социальных (общественная активность); в) информационных (познавательная активность); г) субъективно-психологических (общение).

Данное исследование посвящено воспроизводству населения как специфической сфере поведения крестьянства. Вторая сфера образа жизни при этом берется во внимание постольку, поскольку, во-первых, задает некоторые внешние рамки для демографического и социализирующего поведения, во-вторых, проникает теми или иными своими проявлениями

¹ Бутенко А.П. Образ жизни: содержание, проблемы и нерешенные вопросы // Вопросы философии. 1978. № 11. С 41.

во внутреннюю структуру воспроизводства населения.

Для возобновления поколений недостаточно физически заменить состарившихся людей вновь родившимися и молодыми, нужно еще добиться освоения последними социальных качеств, необходимых для жизни. Поэтому в структуре воспроизводства нами выделяются две основные составные части: демографическое поведение людей и социализация ими новых поколений (социализирующее поведение).

Демографическое поведение определяется в данном случае как система действий (поступков), прямо или опосредованно направляемых на физическое воспроизводство населения. Сюда отнесено брачное (матримониальное) поведение – заключение и прекращение браков, регулирование семейной структуры; репродуктивное (прокреативное) – зачатие, вынашивание и рождение детей; витальное (жизнесохранительное, санитарное) – забота о физическом развитии, сохранение здоровья или, наоборот, пренебрежение жизнью и здоровьем ради иных ценностей. Выделена также область миграционного поведения – действий, которые приводят к миграции и обеспечивают успех либо неудачу переселения и устройства на новых местах.

Под *социализацией* понимается система спонтанных (ненамеренных) и целенаправленных действий, которые обеспечивают освоение молодыми людьми знаний, социальных норм и ценностей, что позволяет новому поколению функционировать в качестве полноценной части общества, заменять собой зрелое, а затем стареющее и вымирающее поколение. Социализирующее поведение включает образование – формирование интеллектуальных качеств личности, трансляцию индивидуальных и коллективных знаний; воспитание – развитие волевой и эмоциональной сторон личности, перенимание и передачу норм поведения. Важной сферой социализации является также регулирующее воздействие общества на отклоняющееся (девиантное) поведение.

В ходе конкретно-исторического исследования автору потребовалось переосмыслить и адаптировать применительно к особенностям изучаемого предмета все введенные выше главные и некоторые вспомогательные понятия, применяемые также в философии, социальной психологии, социологии, демографии, экономической науке, медицине и педагогике со своими оттенками смысла.

Целью диссертационного исследования является конкретно-историческая характеристика тех форм жизненной активности крестьянства, посредством которых осуществлялось воспроизводство населения. Достижение этой цели подразумевает решение нескольких взаимосвязанных задач. Автор стремился:

– очертить круг объективных и субъективных факторов воспроизводства населения, выявить характер их взаимодействия и формы влияния на поведение людей в

соответствующих областях образа жизни;

- произвести анализ основных сфер демографического и социализирующего поведения крестьянства. Особое внимание уделяется выяснению смысла поведения, анализу его общественной формы, вкладу в воспроизводство населения различных агентов и институтов, определению общих черт и особенностей воспроизводства в крупнейших категориях русского крестьянства Сибири;

- выделить и охарактеризовать главные тенденции и этапы развития изучаемой сферы жизни крестьянства во 2-й половине XIX – начале XX вв.;

- дать количественную и качественную оценку основных результатов возобновления населения – демографических (уровень рождаемости и естественного прироста, состояние физического развития молодежи) и социокультурных (образовательный уровень, воспитанность молодого поколения).

Хронологические рамки исследования включают эпоху от 1861 до октября 1917 г., когда процесс воспроизводства населения испытывал определяющее воздействие рыночных, буржуазных отношений, начался переход от традиционного к модернизированному обществу в деревнях России. Выявляются особенности двух основных этапов демографической и социокультурной эволюции сибирской деревни при капитализме: 1) 60-х – середины 90-х гг. XIX в., когда происходило утверждение капитализма в качестве господствующей системы общественных отношений и складывались предпосылки модернизации образа жизни крестьянства; 2) конца XIX – начала XX вв. – этапа развития буржуазных отношений, появления первых признаков модернизации демографического и социализирующего поведения. По ряду вопросов представилась возможность раскрыть специфику периодов, на которые делится второй этап: рубеж столетий (середина 1390-х – 1906 гг.); период Столыпинской реформы (1906–1914 гг.) и годы Первой мировой войны (июль 1314 – октябрь 1917 г.).

Территориальные границы исследования объединяют Сибирь в рамках Тобольской, Томской, Алтайской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей. Включенные в диссертацию статистические данные о Сибирском казачьем войске распространяются на всю территорию его расселения, включая Семипалатинскую обл. Отдельные случаи употребления иных территориальных рамок особо оговариваются в диссертации.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые формулируется в конкретно-историческом плане и комплексно, на междисциплинарной основе изучается тема воспроизводства сельского населения Сибири 2-й половины XIX – начала XX вв. В центр изучения поставлено поведение людей, обусловленное как комплексом объективных

условий, так и субъективными представлениями (индивидуальными и групповыми). Прослеживается складывание предпосылок и начальные проявления процесса реорганизации воспроизводства традиционного типа. Выявлены и вводятся в научный оборот новые группы исторических источников. Основано новое направление научных исследований: изучение образа жизни населения Сибири дооктябрьского периода.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее выводы и фактический материал могут быть использованы и уже используются при подготовке обобщающих работ по истории освоения Сибири, истории крестьянства, исторической демографии и этнологии России, при чтении лекционных курсов по отечественной истории, спецкурсов в высших учебных заведениях. Примененный автором подход может быть положен в основу и развит при изучении других сфер образа жизни населения. Желателен учет практиками выявленных позитивных и жизнеспособных элементов народного опыта при проведении демографической политики и реорганизации народного образования в современных условиях.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Первая глава «Литература и источники по истории воспроизводства сельского населения Сибири в 1861–1917 гг.» состоит из двух параграфов. В первом рассматривается историография изучаемой темы, во втором дается анализ исторических источников.

Особенностью комплекса литературы, привлеченной при написании диссертации, является его полидисциплинарный характер. Изучены исследования общероссийского и сибиреведческого профиля по ряду конкретных общественных и гуманитарных наук, а также литература по философии, методологии истории и смежных дисциплин.

Конкретно-научные *труды дооктябрьской эпохи* разделены на группы в зависимости от проблематики, которая обуславливалась профессиональной специализацией авторов. В экономической литературе начал разрабатываться вопрос о специфике социально-экономических условий воспроизводства сельского населения Сибири путем естественной смены поколений и переселенческого движения (анализ такой литературы дан в историографических трудах Л.М. Горюшкина, Б.Г. Мирзоева, М.Б. Шейнфельда, статьях других современных историков). Часть сочинений демографического профиля была написана в статистическом ключе (А.И. Ефимов, И.Л. Ямзин), иные – в медико-демографическом (врачи Е.Н. Анучин, В.Л. Гедройц-Юраго, Н.И. Кашин, А.И. Ремезов,

Ю.Д. Талько-Грынцевич, Ф.Ф. Шперк и др.). В литературе по народному образованию заметны работы о состоянии официальной училищной сети (П.А. Голубев, Н.В. Турчанинов, И. Малиновский, К. Яренский и пр.), а также о деятельности крестьянских домашних школ (статьи В.Ю. Григорьева, книга: Вопросы народного образования среди старообрядцев. М., 1909). В этнографии важные аспекты темы находили осмысление при характеристике семейно-брачных порядков, народной медицины и воспитания, обычного права в трудах Г.С. Виноградова, Н.П. Григоровского, М.В. Загоскина, Н.А. Кострова, М.В. Красноженовой, А.А. Макаренко, И.Я. Неклепаева, С.Л. Чудновского и иных авторов.

Хотя тема воспроизводства сельского населения Сибири не формулировалась, были поставлены крупные вопросы, объективно входящие в нее: 1) о наборе и соотношении «внешних» факторов, влиявших на рождаемость, смертность, естественный прирост населения, состояние его здоровья, на отношение к официальной школе и грамотности; 2) о количественном выражении некоторых результатов воспроизводства; 3) об основных показателях репродуктивного поведения женщин-крестьянок; 4) об уровне развития тех отраслей народной культуры, что имели прямое отношение к воспроизводству населения, о степени соответствия традиционных форм культуры и быта менявшимся общественным реалиям; 5) о сравнительной роли усилий администрации, с одной стороны, и самого крестьянства, с другой, в деле начального образования детей; 6) о степени обособленности физического и социокультурного облика сибиряков от русского населения Европейской России.

Значение выводов, полученных в дооктябрьский период, снижается тем, что они сделаны обычно на основе источников только одного или двух-трех видов, применительно к отдельной категории сельского населения, ограниченному периоду времени и небольшой территории. Немногочисленные труды общесибирского масштаба по экономике и демографии касаются интересующих нас проблем лишь в плане характеристики некоторых внешних условий и результатов воспроизводства населения.

Советская историография разделена в диссертации на три периода, в рамках которых проведена классификация по научным дисциплинам и характеру поднимаемых вопросов.

Первый период (1920-е – начало 1930-х гг.) характеризуется, с одной стороны, стремлением ученых продолжить работу, начатую ими или их предшественниками до революции, и обобщить ее результаты, с другой стороны, переориентацией на собственно исторические методы ретроспективного анализа, поскольку изучаемая эпоха ушла в прошлое.

В исторической демографии в это время была сделана попытка анализа закономерностей колонизационного процесса, без чего невозможно понимание миграционного поведения

переселенцев (И.Л. Ямзин, В.П. Воцинин). Д. Мерхалёв выяснил масштабы сокращения рекреационной активности населения на значительной части территории Сибири в годы Первой мировой войны. А.Р. Шнейдер проследил динамику естественного движения сельского населения Енисейской губ. на всем протяжении эпохи капитализма. В области истории народного здравоохранения и образования продолжились систематизация и анализ данных о развитии сети начальных школ и медицинского обслуживания населения в дооктябрьский период (К.М. Гречищев, П.Я. Семьянов, Н.С. Юрцовский), был поставлен вопрос о культурном влиянии политической ссылки на сибирское население. В работах этнографов появились интересные обобщения о брачном поведении крестьян и их отношении к детям (Е.С. Бломквист и Н.П. Гринкова, Б.Г. Герасимов, М.В. Красноженова, А.М. Попова, А.М. Селищев и др.). Впервые была сформулирована задача и начато изучение народной педагогики, крестьянских представлений о жизни и смерти (Г.С. Виноградов). А.И. Ярхо представлял линию антропологического изучения сибирского населения, включая вопросы физического развития. В сфере экономической науки В.Я. Нагнибеда подвел итоги массовых обследований селений Томской губ. начала XX в., в том числе по вопросам экономического, санитарно-гигиенического и медицинского положения, демографического и культурного облика старожилов и новоселов.

Историографический период середины 1930-х – середины 1950-х гг. был самым неблагоприятным для изучения вопросов, связанных с темой диссертации. Демографические, этнографические, антропологические, историко-педагогические и историко-медицинские исследования русского населения были практически свернуты в результате силового вмешательства власти. Определенный вклад в разработку темы смогли внести в это время экономист П.И. Лященко и географ В.В. Покшишевский, давшие обобщенную характеристику социально-экономического развития и заселения Сибири в дооктябрьскую эпоху в сопряжении с некоторыми чертами региональной демографической ситуации.

В третий период развития советской историографии (2-я половина 1950-х – начало 1990-х гг.) завершилось формирование эмпирической и частично теоретической основы комплексного изучения воспроизводства сельского населения Сибири 1861–1917 гг. в ее «деятельностном» аспекте. В различных отраслях отечественной науки основные предпосылки выглядят следующим образом.

В исторической демографии созданы труды о народонаселении досоветской России, где уделено внимание сюжетам, значимым для Сибири (Я.Е. Водарский, В.М. Кабузан, А.Г. Рашин, В.К. Яцунский и др.). А.Г. Вишневский развил глобальную концепцию трех исторических типов воспроизводства населения – архетипа, традиционного и современного, или рационального, а также революционных переходов от одного типа к другому.

Традиционный тип при этом хронологически привязывается к докапиталистическому аграрному обществу, вторая демографическая революция – ко времени превращения аграрной экономики в индустриальную при капитализме и реальном социализме. Демографические отношения между людьми и соответствующие нормы демографического поведения впервые выделены для специального анализа, который начат применительно к крестьянству Европейской России Б.Н. Мироновым.

В области социально-экономической истории поддерживается пристальное внимание к вопросам аграрного переселения в Сибирь – специфическому каналу изменения численности и культурного облика сельского населения. Усилиями Л.М. Горюшкина, В.И. Пронина, Е.И. Соловьевой и их учеников история народонаселения – важнейшей производительной силы общества – органично включена в экономическую историю региона. Созданы обобщающие труды, где отражены «базовые» социально-экономические и политико-правовые условия развития культуры и образа жизни крестьянства. На такой основе становится возможным углубленное изучение соответствующего этим условиям демографического и социализирующего поведения.

Историки медицины подвели итоги изучения официальной медицинской сети в Сибири досоветской эпохи (П.А. Бова, Г.И. Мендрин, Н.П. Федотов и др.). Но в их трудах появилась картина «могильной» Сибири – края с низким естественным приростом населения, что требует корректировки.

Историко-педагогическая наука и смежные с ней направления продвинулись вперед в изучении школьного образовательного, внешкольного просветительного и книжного дела в Сибири (Ф.Ф. Шамахов, Г.А. Бочанова, К.Е. Зверева и др.). Возрождается линия изучения крестьянской инициативы в области просвещения.

В исторической этнологии активизировалось направление, исследующее генезис и эволюцию народной культуры. М.М. Громько на материалах русского крестьянства XVIII – XIX вв. описывает социальный механизм воспроизводства традиционной культуры, т. е. соционормативную культуру этноса и составлявших его социальных групп. Н.А. Миненко реконструирует традиционную систему обучения детей грамоте, трудового и нравственного воспитания, передачи исторических и географических знаний. По необходимости ограничивая рамки работы, авторы не рассматривают те изменения культурных и поведенческих механизмов, что происходили во 2-й половине XIX – начале XX вв. под влиянием наметившейся модернизации общества. Этнологи Ф.Ф. Болонев, А.А. Лебедева, В.А. Липинская, Л.М. Сабурова, А.В. Сафьянова сделали немало интересных выводов о круге брачных связей, структуре и воспитательной функции семьи, способах охраны здоровья, регулирующего воздействия «мира» на поведение молодежи и взрослых. Выводы

относятся лишь к отдельным территориальным, историко-этнографическим и этносоциальным группам русского крестьянства Сибири 2-й половины XIX – начала XX вв.

При изучении традиционных аспектов социализации автор диссертации учел также методологические подходы и конкретные выводы, наработанные в археографии и истории общественного сознания (Н.Н. Покровский), в этнопедагогике и фольклористике (М.Н. Мельников), И.С. Коном в междисциплинарной программе «Этнография детства» и т. д.

Наряду с отечественной, учтена **современная зарубежная литература**. В теоретическом плане значимыми оказались следующие тенденции социально-антропологически ориентированной исторической науки: овладение методологией междисциплинарных исследований в рамках «новой научной истории»; выход на первый план культурно-деятельностных аспектов истории – менталитета, культуры, повседневной жизни больших и малых социальных групп; повышение статуса локально-территориальных штудий; нацеленность на описание целостности каждой культуры, характерного для нее типа личности и механизмов межпоколенной преемственности.

В конкретных зарубежных трудах по истории России дооктябрьской эпохи представляют интерес опыт и результаты разработки следующих тем: 1) о роли различных факторов, в том числе численности и высоких темпов роста народонаселения, своеобразия культуры и образа жизни крестьянства в экономическом развитии страны (Д. Трэдголд, М. Хелльман, К. Герке, И. Вецински, Ф. Уоттерс и др.); 2) о реакции народной культуры на попытки модернизации системы воспитания и медицинского обслуживания, предпринимавшиеся в пореформенный период (К. Воробек, С. Рамер, Н. Фриден и др.); 3) о периодизации и проявлениях перехода к индустриальному обществу, означавшего, в частности, смену модели массового поведения в демографической системе (Д. Хир, Э. Коул и др.), в сфере образования детей (Б. Эклоф), при выборе литературы для чтения (Дж. Брукс) и т. д. Переход от традиционной культуры и соответствующего ей типа поведения к современной модели образа жизни рассматривается в зарубежной литературе на примере крестьянства центральной России.

Разработка концептуального аппарата настоящей диссертации стала возможной благодаря ознакомлению с обсуждением в **современной философской и обществоведческой литературе** ряда проблем: о необходимости дополнения формационного подхода к истории такими, что позволяют представить общественное развитие в динамичном сопряжении объективно заданного и субъективно-волевого начал (деятельностный, гуманитарно-личностный, цивилизационный подходы и т. п.); о понятии и исторических типах биосоциального образа жизни, его структуре и месте в нем воспроизводства населения; о понятиях традиции, обряда, обычая, их роли в регулировании социального поведения и межпоколенной передаче культуры.

Исторические источники, использованные в диссертации, можно разделить на следующие группы: статистические материалы, законодательные акты и собрания норм церковного права, делопроизводственные источники, описания деревенского быта, публицистика, воспоминания современников и участников описываемых событий, русский фольклор Сибири. Значительная часть источников выявлена впервые и извлечена из малоизвестных периодических изданий, центральных и местных архивов. Цитируются материалы 68 фондов 23 архивохранилищ страны.

Статистические материалы относительно полно отражают количественные характеристики объективированных результатов воспроизводства населения, а также общественной и культурно-информационной ситуации, в которой оно осуществлялось. Количественные параметры самого демографического и социализирующего поведения крестьян имеющаяся статистика дает без полного территориального охвата и исторической динамики, а то и без необходимой точности. В этой группе автор выделяет: 1) документы ЦСК МВД и подчиненных ему местных органов (Всеобщая перепись населения 1897 г., в том числе ее первичные карточки по Тобольской губ., сельскохозяйственная перепись 1917 г., статистические приложения к ежегодным отчетам губернаторов, сделанные на их основе региональные сводки); 2) статистику медицинского и военного ведомств – ежегодные или «срезовые» сводки данных о численности населения, его естественном движении и заболеваемости, о грамотности и уровне физического развития призывников; 3) материалы массовых статистико-экономических обследований сибирских селений, в том числе переселенческих поселков, проводившихся Министерством земледелия и государственных имуществ и переселенческим ведомством, результаты учета мигрантов на переселенческих пунктах; 4) статистику земств Европейской России, углубляющую демографическую характеристику семей, отправлявшихся в Сибирь; 5) материалы школьной переписи, проведенной в 1911 г. Министерством народного просвещения; 6) статистические источники общественных организаций, а также данные, собранные в индивидуальном порядке специалистами: деятелями народного образования А.И. Ефимовым, К.К. Кокоулиным, врачами С. Аркановым, А.К. Белявским, Г.П. Гедройц-Юраго, И.С. Колбасенко, В.М. Крутовским, А. Собкевичем, Ю.Д. Талько-Грынцевичем.

Привлеченные в диссертации нарративные источники позволяют дополнять и корректировать формально-количественный анализ изучаемых явлений и процессов содержательно-качественным.

Законодательные источники изучения темы представлены актами, в наиболее полном виде опубликованными в «Полном собрании законов Российской империи». Они регулировали функционирование тех политических, юридических, просветительных и медицинских

институтов, что были созданы для управления крестьянством, для реализации политики государства и церкви в области семейной и общинной, жизни, воспитания и образования молодежи. По отдельным сферам регулирования имеются специализированные сборники законодательных актов. Многие особенности демографического и социализирующего поведения верующих мирян определяли нормы церковного права.

Делопроизводственные источники – наиболее многочисленная категория материалов, очень разнородная по содержанию, степени информативности, полноте и достоверности. По происхождению ее можно подразделить на три основные части: 1) документы, исходящие непосредственно из крестьянской среды («приговоры» сельских и волостных сходов, книги записей судебных дел и решений волостных судов, прошения, ходатайства и жалобы в различные административные учреждения); 2) делопроизводство светской и церковной администрации (материалы рассмотрения документов, исходящих от крестьянства, письменные отчеты разного уровня, подзаконные административные акты и т. п.); 3) делопроизводство общественных организаций, связанных в своей деятельности с деревенскими нуждами: Красноярского отдела МОСХ, Омского медицинского общества, Енисейского губернского общества врачей и др.

Описания культуры и повседневного быта сибиряков были составлены в свое время местными жителями-краеоведами, долго жившими среди крестьян политссыльными, учеными и чиновниками во время научных обследований, путешественниками. В соответствии со специальностью авторов и объекту рассмотрения можно выделить комплексные, медицинские, экономические, этнографические описания. Часть этнографических описаний дает «срез» цельного комплекса народной культуры и быта, иные же специализированы на семейно-брачных порядках, народной медицине, обычном праве, детских играх.

Публицистику как вид письменных источников представляют тематические очерки, научно-публицистические книги, корреспонденции с мест. Наиболее представительна группа корреспонденций, опубликованных в периодической печати. Подобно некоторым группам статистических и делопроизводственных материалов, корреспонденции в своей совокупности отражают хронологически всю изучаемую эпоху 1861–1917 гг., территориально – всю сельскую местность Сибири и потому входят в ядро источниковедческой базы диссертации. В очерковой и книжной публицистике значимы не только информация, но также оценки авторов, отражающие место изучаемых нами явлений в общественном сознании эпохи, мировоззренческие установки целых исследовательских направлений.

Воспоминания больше, чем прочие источники, отражают индивидуальные особенности личности создателей, они незаменимы для «вхождения» в ментальную атмосферу сельской

среды. Основная часть использованных в диссертации мемуаров написана выходцами из деревни либо зафиксирована со слов крестьян собирателями. Большинство таких воспоминаний посвящено «деревенскому детству» и лучше всего отражает обстановку и способы социализации молодежи (Т.С. Мальцев, Ф.Д. Останин, М.И. Пальмин, И.Г. Ростовцев, А.В. Трифонова, Н.М. Чукмалдин, комплекс автобиографий). Детали миграционного поведения отражены в записках И.Е. Белякова и М.В. Сумкина, многосюжетны комплексы «преданий и устных рассказов», опубликованных в фольклорных сборниках. Кроме крестьянских, учтены воспоминания тесно соприкасавшихся с жизнью сельчан чиновников, учителей, врачей.

Фольклорные материалы представлены пословицами и поговорками, поэзией пестования, свадебной поэзией, причитаниями, частушками, детским фольклором. В образной форме фольклор фиксирует представления народа о браке, молодости и старости, желательном количестве детей, их воспитании и т. д. Анализ показывает, что памятники фольклора использовались в воспроизводстве населения, во-первых, как своеобразное «руководство» к демографическому и педагогическому действию, во-вторых, как эффективное средство социализации молодежи, в-третьих, в качестве объекта межпоколенной трансляции при образовании детей.

Вторая глава диссертации «Физическое возобновление населения: демографическое поведение крестьянства» состоит из четырех параграфов. Первый называется **«Брачное и репродуктивное поведение»** и характеризует те аспекты демографического поведения, что были связаны со вступлением в брак, вынашиванием и рождением детей, а также уровень рождаемости сельского населения – обобщенный показатель итогов репродуктивного поведения крестьян.

Установлено, что физиологическое совершеннолетие наступало у сибирских девушек-крестьянок в основном в 15–16 лет – несколько позже, чем в Европейской России и городах Сибири. Большинство браков заключалось в возрасте, благоприятном для деторождения: у девушек в 16–22, у парней в 22–26 лет. Уровень брачности населения со временем сокращался, но оставался достаточно высоким. Количество свадеб в год составляло 7–10 на 1000 человек населения, в официальном браке по данным 1897 г. состояло 67,8 % сельских женщин, 64,7 % мужчин в возрасте старше 15 лет.

Частые зачатия и рождение детей рассматривались большинством крестьян не только как желательные, но также как естественные и неизбежные события. Однако в нижнем социальном слое складывалось убеждение, что большое количество детей – обуза и разорение для домохозяйства. Искусственное ограничение рождаемости, а также прерывание беременности общественным мнением осуждались, но при внебрачных связях и «чтобы не

носить робят слишком часто» некоторые женщины применяли соответствующие меры. На годовое распределение зачатий и рождений влияли сезонное распределение хозяйственных работ и отдыха, свадеб, церковных постов. В период беременности женщины предпринимали магические усилия по сохранению будущего ребенка. Однако реальные условия жизни и поведение в «родильный» период нельзя назвать благоприятными для нормального деторождения.

Основную часть родов принимали повитухи из числа самих крестьянок, в казачьем населении акушерская помощь распространилась быстрее. При наличии позитивных моментов в деятельности «бабок» в тяжелых случаях их знаний и навыков оказывалось зачастую недостаточно, высока была смертность «родильниц».

Средняя продолжительность половой жизни женщин от появления менструаций до менопаузы составляла более 30 лет, но период активного деторождения был на треть короче, простираясь между 19–20 и 36–40 годами. За это время замужняя крестьянка рождала в среднем от 6 до 11 детей. Уровень рождаемости в селениях колебался в различных местностях Сибири, категориях населения и хронологических периодах в диапазоне 43–57 %. В конце XIX – начале XX вв. отмечается слабо выраженная тенденция его повышения (прерванная в годы Первой мировой войны), тогда как в сельской местности Европейской России рождаемость последовательно сокращалась.

Второй параграф **«Охрана здоровья детей»** посвящен аспектам витального поведения крестьян, связанным с сохранением жизни и здоровья «челяденков», а также выяснению результатов этого поведения – числа детей в семьях, коэффициента естественного прироста населения.

В сельской местности Сибири, не дожив до года, умирало в среднем 3–4 ребенка из десятка новорожденных, к 10 годам – до половины и более. Непомерная детская смертность в значительной степени определялась «деятельностными» факторами: неудовлетворительным в гигиеническом отношении содержанием младенца и роженицы, неправильным питанием, плохим уходом и присмотром за детьми в период интенсивных полевых и огородных работ.

В диссертации характеризуются традиционные магические способы оберегания детей, некоторые сильные и слабые стороны рациональной народной педиатрии. Показано изменение позиции сельчан по отношению к официальной медицине – от равнодушного и настороженного (особенно у старообрядцев) к позитивному, включающему участие в развитии сети лечебных учреждений. К концу изучаемой эпохи в селениях складываются контуры «трехступенчатой» системы лечения болезней, в том числе и детских. Легкие случаи излечивались семейными способами, «ладить» серьезно заболевшего приглашали

авторитетных в данной местности «знатких» людей, в экстраординарных случаях искали помощи специалистов-медиков.

Жизнесохранительные усилия не были напрасными. Смертность не являлась настолько стихийной, как рождаемость. Если в три пореформенных десятилетия естественный прирост населения был сравнительно небольшим, то в конце XIX – начале XX вв. по этому показателю в сельской местности (17,1 % в 1902–1905, 19,6 % в 1906–1910, 20,3 % в 1911–1914 гг.) Сибирь прочно вышла на ведущее место в стране. Мировая война дезорганизовала демографическое поведение крестьян, привела почти к двукратному сокращению естественного прироста.

Третий параграф **«Физическое развитие молодого поколения»** содержит описание способов физического воспитания и развития детей, применявшихся в селениях, а также объективных показателей состояния здоровья и телесного развития молодежи.

Существовала определенная преемственность форм физического развития сельского жителя по мере его взросления: первоначальное гигиеническое обслуживание и психофизическое развитие до двух лет; игра в возрасте от 2–3 до 12–14 лет; посильное участие в трудовом процессе в будни, праздничные оздоровительные и спортивные забавы в последующие годы. В диссертации оспорена однозначно низкая оценка стремления и умения пестуний-крестьянок дать детям первоначальное физическое и гигиеническое воспитание. Охарактеризованы наиболее распространенные детские игры и забавы «спортивного» типа, вписанные в народный хозяйственный и обрядовый календарь. Раскрыта роль старших в организации и оснащении этих забав. Отмечено, что раннее подключение детей к реальному труду могло приводить к физическим и психологическим травмам, но в целом стимулировало усилия маленького работника по укреплению своего физического состояния.

Наряду с традиционными, в изучаемую эпоху начинают применяться школьные способы физического воспитания. Специальный предмет «гимнастика и военный строй» преподавался в небольшом числе сельских училищ, в казачьих школах он был одним из основных предметов, хотя и велся не всегда умело.

Источники фиксируют сочетание относительно высокого для своего времени роста и неплохого состояния здоровья у большинства сельской молодежи. Однако в сибирской деревне было немало юношей и девушек, вступавших в самостоятельную трудовую и семейно-брачную жизнь со слабым запасом физических сил. Как негативные, так и сильные стороны крестьянской практики охраны здоровья и физического воспитания детей были учтены врачом В.С. Пирусским при создании в 1895 г. и организации деятельности Томского общества содействия физическому развитию.

Параграф четвертый **«Особенности демографического поведения переселенцев»**

посвящен анализу ряда аспектов миграционного поведения – особенностям и результатам брачно-семейного, прокреативного и витального поведения людей, переезжавших в селения Сибири. Демографическое поведение мигрантов довольно жестко определяли постоянно действующие факторы: социально-экономическое и демографическое положение на родине, переселенческая политика правительства, природно-географическая и социальная обстановка на местах вселения, неблагоприятные медико-санитарные условия переселенческого движения. С целью обеспечения оптимальной людности и структуры семейного домохозяйства, сохранения жизни и здоровья «домашних» в этих условиях мигрантами предпринимались определенные действия.

В период подготовки к переезду немало домохозяев искусственно увеличивало людность двора, главным образом путем сосредоточения в нем лиц мужского пола в рабочем, старшем детском и подростковом возрастах (соединяли две-три родственные семьи, выдавали замуж дочерей, у родственников оставляли иных стариков, больных). Передвижение семейства за Урал осуществляли нередко по частям, по возможности выбирая более благоприятные время, маршрут и способ передвижения, обращались на переселенческих, врачебно-питательных и медицинских пунктах за помощью к медикам. В период устройства на новых местах переселенцы охотнее старожилов шли за советом и помощью к акушеркам, фельдшерам и врачам, стремились улучшить экологические, бытовые и социальные условия жизни своих «домашних», ради прокормления и заработка отдавали детей на время в чужие зажиточные домохозяйства.

Указанные и другие поступки далеко не всегда давали ожидаемый эффект. Особенно негативно на демографической структуре переселенческих дворов сказывалась непомерно высокая заболеваемость и смертность в пути и в первые годы пребывания в Сибири. Особенности дворов новоселов в регионе были большая людность их у приписанных переселенцев и малая – у неприписных, половая диспропорция (численное преобладание мужчин), относительно молодой, энергичный и трудоспособный состав, очень высокие рождаемость и естественный прирост. По мере увеличения доли новоселов в сельском населении Сибири демографическая специфика их семей все сильнее сказывалась на ходе и результатах воспроизводства всего населения.

Глава третья «Воспроизводство общественных отношений и сознания: социализация новых поколений крестьян» состоит из четырех параграфов. Первый **«Воспитание молодого поколения»** характеризует цели и задачи, средства, принципы и методы воспитания, роль в нем различных агентов, институтов, а также степень эффективности.

В рамках общей ориентации на «закон, обычай и пример» предков при традиционной социализации наиболее осознанно формулировались цели воспитания уважения к родителям

и старшим, трудолюбия, приличного поведения в обществе, у казачества также – воинских качеств. Задачи нравственного воспитания облекались в религиозную форму. Возрасту «полноты» человека (социальной зрелости) предшествовало несколько стадий детства и юности, явственно выделявшихся в процессе социализации по средствам и методам: грудные дети до 2–3 лет, младшие дети до 7–8, старшие до 12 лет у девочек и 14 у мальчиков, подростки женского пола до 15–16 и мужского до 18 лет, несовершеннолетняя молодежь до 20–21 года. Начиная со старшего детского возраста, основным средством воспитания являлось поэтапное включение в реальную трудовую жизнь семейного домохозяйства, а через него – всего сельского сообщества и страны.

Важнейшим институтом социализации являлась семья, наилучшие возможности имела ячейка трехпоколенная с тремя же возрастными группами детей (младшие, средние и старшие). Среди черт семейного воспитания выделяются слабая расчлененность воспитания с другими сферами социализации и образа жизни вообще; сочетание педагогических усилий взрослых с самовоспитанием детей; максимальное развитие и использование потенциальных возможностей ребенка; участие в воспитании обоих родителей при опосредовании их влияния на меньших детей деятельностью старших братьев и сестер; равное в материальном и эмоциональном плане отношение старших ко всем детям и др.

Заметную роль в воспитании играли купельные крестные, духовные наставники (у старообрядцев), детские и молодежные половозрастные сообщества-«рощи», трудовые, родственные и прочие неформальные сообщества. Сельское и волостное общества контролировали воспитание в семье, используя силу общественного мнения и институт опеки сирот. Обычные результаты воспитания соответствовали родительским и общественным ожиданиям, объективным потребностям социокультурного воспроизводства населения. Односторонняя ориентации «на старину» способствовала консервации не только позитивных, но и негативных сторон, а также устаревших форм деревенской культуры и отношений.

В изучаемую эпоху процесс «раскрестьянивания» и другие проявления капитализма затрудняли функционирование традиционной системы. Часть воспитательных функций стала брать на себя зарождавшаяся сеть сельских начальных училищ, заведений «закрытого призрения» детей-сирот, детских яслей. Общее количество охваченных ею сельских детей было небольшим.

Второй параграф **«Домашнее образование детей и подростков»** содержит характеристику традиционных элементов системы образования детей в селениях Сибири. Особое внимание уделено отношению крестьян к обучению детей грамоте.

Традиционно образование было сориентировано главным образом на передачу и

встречное перенимание «базового» массива информации, умений и навыков, который должен был освоить любой здоровый член сообщества для нормальной жизни, всякая социальная группа для своего повседневного функционирования. Экстраординарные познания и умения отдельные люди приобретали за счет особо активной познавательной деятельности, «по наследству» от специализировавшихся «знатких» односельчан, в результате обучения за пределами деревенской среды.

Можно выделить ряд педагогических принципов, реализовавшихся в процессе «семейно-общинного» обучения детей: дифференциация усилий отца и матери в деле обучения «мужским» и «женским» работам, передачи соответствующей информации; строгая возрастная иерархия – трансляция от старших к младшим, но не наоборот; поэтапность приобщения к опыту предков при учете возрастных особенностей детей и пр.

В изучаемую эпоху в круг «базовых» знаний и умений все последовательнее включается общая грамотность. Требования к ее объему и качеству росли, что вызвало необходимость дополнения традиционных способов образования детей школьным каналом обучения. Большой заслугой крестьянства перед национальной и региональной культурой нужно считать создание исключительно собственными силами системы индивидуального обучения, а затем сети «домашних», «вольных» школ, что стало одной из важнейших предпосылок развития официальной образовательной и просветительной сети.

В третьем параграфе **«Отношение к официальному школьному обучению»** анализируются вклад крестьянства в развитие сети начальных училищ в сельской местности, взаимовлияние образа жизни сельчан и образовательной деятельности официальных школ, а также масштабы и результаты приобщения части детей к грамотности.

Домашние крестьянские школы были первым этапом развития системы начального школьного образования в сельской местности, официальные училища разных ведомств стали вторым этапом. Значение официальных школ для обучения детей грамоте к концу XIX в. выходит на первый план. Крестьянство проявляет инициативу в деле расширения и совершенствования школьного дела: волостные и сельские общества, отдельные благотворители участвуют в открытии и реорганизации училищ, создают для них материальную базу, наблюдают за качеством работы учителей. Все же сохраняется настороженное отношение части крестьян к официальной школе, что объяснимо боязнью перехода детей в лоно иной культуры, стремлением сохранить связь подростков с образом жизни и хозяйством предков, слабым развитием и недостатками деятельности просветительно-образовательных учреждений, тяжестью мирских и земских повинностей, частично идущих на содержание школ, и иными причинами.

Образ жизни крестьян и народно-педагогические представления активно влияли на работу

школ – на количество учеников в них, масштабы пропуска уроков, продолжительность учебного года и т. д. Училась в школах небольшая часть детей, преимущественно мальчики, полный курс обучения проходило из них лишь $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$, остальных забирали родители, как только приобретался минимум знаний и навыков, необходимый в повседневной крестьянской жизни.

По данным переписи 1897 г., в селениях Сибири начальное образование (полное и неполное) имели 491,7 тыс. жителей, среднее – 12,2 тыс., высшее – 658 человек. Наиболее грамотной возрастной категорией в селениях являлись подростки и молодежь. Влияние школы на образ жизни определенной части молодых крестьян было обычно кратким, но в целом способствовало распространению критического отношения к традиционной системе ценностей. Передовые представители крестьянства остро ставили вопрос о радикальном улучшении системы образования для своих детей.

Параграф четвертый **«Регулирование девиантного поведения молодежи»** содержит анализ понятия отклоняющегося поведения применительно к изучаемой среде, характеристику его причин и проявлений, способов профилактики и регулирования.

Наряду с *антисоциальными* проявлениями девиантного поведения (аморальными, делинквентными и криминальными) автор диссертации выделяет *просоциальное* поведение – систему инновационных поступков, отклоняющихся от традиционной нормы, но не нарушающих права и интересы других членов общества и объективно способствовавших социальному, культурному, моральному прогрессу. Проявления просоциального отклоняющегося поведения в сфере демографической и социализирующей жизнедеятельности сибирского крестьянства нашли отражение в предыдущих главах и параграфах диссертации. В данном случае выделены антисоциальные проявления: распространение внебрачных половых отношений, вплоть до проституции; ослабление внутрисемейных связей, выразившееся в ускорении семейных хозяйственных разделов и фактических разводов супругов, в грубости и непочитании старших со стороны молодежи; развитие пьянства и тесно связанных с ним хулиганства и преступности.

Профилактика и регулирование отклоняющегося поведения были заботой, прежде всего тех же ячеек, что традиционно несли на себе тяжесть физического возобновления населения и его социализации. Это родительская семья и сельское общество, другие малые контактные группы, пользовавшиеся богатым арсеналом средств народной педагогики и соционормативной культуры. Лишь в случае бессилия семьи и «мира» дела о хроническом аморальном и делинквентном поведении передавались в волостной или станичный суд, а о крупных преступлениях – в коронный суд.

Причин для недовольства результатами воспитания молодежи у «почтенных людей»

деревни со временем становилось все больше. В селениях активизировалось обсуждение вопроса о необходимости дополнительных и даже чрезвычайных мер по пресечению «буйства» и наведению порядка.

В «**Заключении**» подводятся основные итоги исследования. Его опыт показывает, что намеченный в целевой комплексной программе «Исторический опыт освоения Сибири» предмет изучения может быть представлен полнее благодаря включению в него способов воспроизводства и использования социального потенциала региона на всех исторических этапах. Для того, чтобы глубоко осмыслить эти способы, необходимо дополнить анализ развития общества как естественно-исторического процесса, независимого от воли и сознания конкретных людей, рассмотрением проявлений и результатов жизненной активности человека. В работах, выполненных в рамках такого подхода, на первый план выйдет изучение технологического содержания и общественной формы хозяйственной практики (именно она является важнейшим способом воспроизводства и использования экономического потенциала страны и региона), социальной активности (она приводит к развитию общественно-политического потенциала), познавательной и социализирующей активности как одного из способов формирования и использования культурного (духовного) потенциала, а также демографического поведения, в результате которого возобновляется социально-демографический потенциал. Иначе, говоря, активизируется изучение различных сторон образа жизни людей – отдельных личностей, малых и больших социальных групп, общества в целом.

Во 2-й половине XIX – начале XX вв. русское крестьянство Сибири вело весьма многогранный образ жизни. Можно говорить о «полноте» последнего в том смысле, что здесь были реально представлены и в достаточной степени сбалансированы все теоретически мыслимые формы жизнедеятельности; при этом важное место принадлежало демографическому поведению и социализирующей деятельности. Думается, что это одно из тех позитивных свойств образа жизни, которые в условиях последующего переустройства деревни были в значительной степени утрачены.

Представленные в диссертации материалы доказывают, что существовала тесная взаимосвязь между объективными условиями, в которых протекала жизнедеятельность крестьянства, и самим образом жизни. Условия (факторы) жизни – природные и географические, социальные (социально-экономические, политико-правовые, демографические, культурологические) и информационные – более или менее адекватно отражались в индивидуальном, групповом и общественном сознании крестьянства, т. е. определяли основные параметры его ментальности. На основе менталитета формировалась культура жизни – создавались и воспроизводились программы поведения, отыскивались

средства их реализации. Программы осуществлялись в повседневном поведении либо пересматривались с учетом изменения обстановки, психологических установок субъекта жизнедеятельности. Таким образом, в своем поведении субъект был относительно автономен от внешних факторов, ведь их воздействие в большинстве случаев опосредовалось ментальностью и культурой. Очерченный здесь механизм действовал в изучаемое время и в той сфере образа жизни крестьянства, в рамках которой осуществлялось воспроизводство населения. Существовала и обратная связь условий и образа жизни. Так, в процессе воспроизводства населения крестьянство формировало социально-демографическую и социокультурную среду, оказывало на нее сохраняющее, транслирующее, реформирующее воздействие.

Можно констатировать, что в русской деревне Сибири господствовал традиционный тип образа жизни людей в целом, воспроизводства населения в частности, сложившийся в предшествующую историческую эпоху. Демографическое и социализирующее поведение в основном осуществлялось по устойчивым образцам, «излюбленным» предками и передававшимся потомкам вне критического осмысления. При традиционной модели поведения отдельный крестьянин, различные сельские сообщества были субъектами демографических и социокультурных процессов лишь в малой степени. Воспроизводство населения являлось в своей основе стихийным процессом.

Наиболее яркими проявлениями традиции в демографическом поведении крестьянства были: преимущественное право родителей на выбор брачных партнеров для «возросших» детей, очень высокий уровень брачности населения, рождение отпрысков только в законном браке и третирование внебрачных детей, отсутствие искусственного регулирования рождаемости, ориентация на сохранение жизни и здоровья двух-трех детей, физическое развитие молодого поколения через первоначальный телесно-психологический уход за младенцем, игру, участие в трудовой деятельности. Традиционным являлся «неинституцированный» характер социализирующего поведения: подготовка молодежи к самостоятельной жизни осуществлялась преимущественно в формах самой повседневной жизни. Важная традиционная черта – нерасчлененность процессов образования, воспитания и физического развития, профилактики девиантного поведения.

В той степени, в какой традиционная модель поведения соответствовала внешним условиям жизни и удовлетворяла основные демографические потребности общества, такое поведение можно считать эффективным. Оно обеспечивало необходимый для колонизируемой аграрной окраины высокий уровень естественного прироста населения, благоприятный и перспективный с экономической и демографической точек зрения возрастной и поколенный состав жителей. Кроме того, обеспечивалось успешное приобщение молодых к тем знаниям,

практическим умениям и навыкам, что были накоплены крестьянством веками. Формировались поколения, вступающие в самостоятельную жизнь с удовлетворительным в целом состоянием физического развития, телесного и психического здоровья, развитые в эмоциональном и волевом отношениях. С большими людскими потерями, но все же не без успеха осуществлялось переселение крестьян из Европейской России за Урал, а затем, «осибиричивание» новоселов – процесс, в котором сочетались межпоколенная и межтерриториальная трансляция ментальных, культурных и поведенческих образцов. Многие элементы традиционной системы доказали свою жизнеспособность в условиях капиталистической эпохи, могли бы сохраниться в трансформированном виде и в последующие времена, выполнять свою «воспроизводственную» и стабилизирующую роль.

Однако при наличной обстановке неизбежной была очень высокая смертность населения, особенно в детском возрасте. Опережающие темпы прокреации и прироста населения на восточной окраине обеспечивались только в сочетании с неоправданно быстрой заменой одних поколений другими, а также за счет усиления аграрного переселенческого движения в Сибирь. В состоянии здоровья населения имелись серьезные проблемы, санитарно-гигиенические навыки крестьян нельзя признать безупречными.

В обстановке гораздо более динамичного, чем при феодализме, развития общества традиция как доминирующий механизм воспроизводства населения становилась все менее эффективной и изживала себя. Устаревало и содержание многих брачных и семейных, санитарно-гигиенических и народно-медицинских, педагогических, этических и обычноправовых норм. Новая непривычная информация и необычные образцы поведения приходили из городов, с линий крупных транспортных магистралей, из прочих мест активизирующихся контактов крестьянства с представителями иной социальной среды. Усложнение задач социализации потребовало создания и распространения специальных институтов для образования и воспитания детей, в первую очередь начальных общеобразовательных школ, изменения содержания и методов обучения. Ускорению развития сети медицинских учреждений в сельской местности способствовало осознание ценности каждой человеческой жизни.

В период 1861 – середины 1890-х гг. складывались предпосылки радикального преобразования менталитета, культуры и образа жизни крестьянства Сибири. В конце XIX – начале XX вв. наряду с этим появились первые признаки модернизации – перехода от традиционного к современному, или «рациональному» типу образа жизни и воспроизводства населения. В сфере демографического поведения к таким признакам можно отнести стремление вступать в брак «по любви» и в оптимальном возрасте, выделиться вместе с супругом из того двора, где был силен произвол домохозяина, и создать собственную семью

на эгалитарной основе, попытки регулировать рождаемость, обращение за необходимой помощью к медицинским работникам. В социализирующей деятельности – стремление получить самим и дать детям школьное образование, у грамотных – расширить круг чтения, приобщиться к достижениям науки и передовой практики посредством специальной литературы, участия в сельскохозяйственных выставках и по другим нетрадиционным каналам, включение в общественно-педагогическое движение своего времени.

Непосредственно в зону инновационного поведения в дооктябрьский период было втянуто сравнительно небольшое количество сельских жителей, причем преимущественно молодежь, более образованная и смелее принимавшая вызов времени. Влияние позитивного примера росло и в некоторых случаях становилось преобладающим. Зачастую же «инноваторам» приходилось преодолевать сопротивление довольно косной общественной среды.

Половинчатость и непоследовательность проводившихся властями буржуазных реформ, сохранение патриархальных и феодальных пережитков во всех сферах жизни села и колониальное положение восточных окраин, предельное обострение в начале XX в. политической ситуации не дали в дооктябрьский период осуществиться и даже как следует развернуться прогрессивному переходу. Складывалась атмосфера «загнивания» семейной и общинной жизни, что проявлялось ярче всего в развитии антисоциальных форм девиантного поведения подростков и молодежи, особенно пьянства и связанного с ним хулиганства, нередко перераставшего в криминальную стадию.

Поведение традиционного типа лучше всего сохранилось в относительно изолированных, удаленных от городов, железной дороги и крупных трактов, горнорудных разработок «забочных» местностях, каких было много в Сибири. Меньшая утрата «досельных» традиций с их специфической религиозной окраской была характерна также для старообрядческой среды. Инновационное поведение в наибольшей степени на рубеже веков распространяется в базовом для капитализма регионе – в пригородных местностях и в зоне влияния Транссибирской железной дороги, в местах наиболее интенсивного притока переселенцев из Европейской России на юго-западе Сибири.

В годы Первой мировой войны относительно нормальное эволюционное течение демографических и социокультурных процессов было нарушено в результате призыва на службу более половины мужчин зрелого возраста – женихов, мужей и отцов. Сказались также общая дестабилизация внутривосточной ситуации, падение авторитета институтов власти, в том числе крестьянских органов самоуправления.

Анализ ситуации показывает, что к моменту революционных потрясений 1917 г. проблема антисоциального поведения части молодежи так и не была решена в селениях Сибири. Это

стало тревожным свидетельством существования серьезных сбоев в деле возобновления поколений крестьянства. Традиционный порядок в новых условиях уже не мог быть столь же эффективным, как во времена феодализма и утверждения капитализма, а адекватную изменившимся условиям и внутренним установкам молодых людей систему социализации общество не смогло или не успело выработать и утвердить в жизни. «Сегодняшний день не без завтрашнего», – мудро говорили сибирские крестьяне. Проблемы, сложившиеся в образе жизни деревни дооктябрьского периода, как, впрочем, и бесценный жизненный опыт множества поколений наших предков, перешли в наследство последующей исторической эпохе.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Диссертация выполнена в соответствии с планом научных исследований Института истории СО РАН по теме «Исторический опыт изучения и освоения Сибири в дооктябрьский период» (номер государственной регистрации – 01.86.0042049). Результаты работы докладывались на всесоюзных, всероссийских, региональных и институтских научных конференциях, проведенных в 1982–1992 гг. под эгидой Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Государственной научно-технической библиотеки СО РАН, Института российской истории РАН, Новосибирского государственного педагогического института. Доклад о теоретико-методологических проблемах исследования темы обсуждался на методологическом семинаре отдела истории дооктябрьского периода Института истории СО РАН. На заседании того же отдела обсужден и рекомендован к защите текст диссертационного исследования.

Фактический материал и теоретические выводы диссертации изложены в следующих публикациях автора.

Книги

1. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1993. 244 с. (находится в печати).
2. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1988. 88 с.
3. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1991. 148 с.

Статьи

4. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII – начало XX вв.).

Новосибирск, 1985. С. 73–88.

5. Влияние переселения в Сибирь на демографическое поведение крестьян в конце XIX – начале XX вв. // Исторический опыт освоения Сибири: Бахрушинские чтения 1985 г. Новосибирск, 1986. С. 76–85.

6. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 1985. С. 94–104.

7. Источники для исследования воспроизводства крестьянского населения Сибири эпохи капитализма // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1989. С. 27–45.

8. Источники изучения крестьянской семьи в Сибири эпохи капитализма // Массовые источники по истории Сибири: Бахрушинские чтения 1989 г. Новосибирск, 1989. С. 142–149.

9. Итоги и задачи изучения образа жизни русского крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы. Новосибирск, 1988. С. 150–170.

10. Методологические проблемы изучения образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Методологические проблемы изучения истории Сибири: Бахрушинские чтения 1988 г. Новосибирск, 1988. С. 110–119.

11. Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в XVII – начале XX вв. Новосибирск, 1987. С. 67–77.

12. Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск, 1984. С. 103–113.

13. Отдавали под барабан: Заметки историка о новобранцах царской армии // Воин России. 1992. № 9. С. 8–9.

14. Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX – начала XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 62–79.

15. Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 63–80.

16. Роль семьи в закреплении и передаче опыта хозяйственной деятельности русских крестьян Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX вв.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985. С. 112–128.

17. Школьные библиотеки в сибирской деревне конца XIX – начала XX вв. // Книга в Сибири (конец XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 1989. С. 110–123 (в соавторстве с К.Е. Зверевой).

Тезисы выступлений

18. Анкета А. С. Пругавина о читателе и чтении в Сибири второй половины XIX в. // Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991. С. 90–93.

19. Влияние Первой мировой войны на население русского крестьянского двора в Сибири // Россия и социально-экономическое развитие Сибири: Зон. науч. конф.: Тез. докл. и сообщ. Тюмень, 1982. Ч. 1. С. 81–83.

20. Деятельностный подход к изучению истории воспроизводства населения // Историческая демография: новые подходы, методы, источники: Тез. VIII Всерос. конф. по ист. демографии. М., 1992. С. 15–17.

21. Изучение русской крестьянской семьи в Сибири конца XIX – начала XX вв. // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984. С. 137–138.

22. Источники изучения воспроизводства крестьянского населения Сибири при капитализме // Исторический опыт освоения Сибири: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1986. Вып. 1. С. 84–86.

23. Особенности воспроизводства населения на социальных полюсах сибирской деревни в период капитализма // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 104–106.

24. Роль книги и периодической печати в жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма (к постановке проблемы) // Книга и книжное дело в Сибири: история, современность, перспективы развития: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1989. С. 44–48.

25. Роль крестьянских переселений в развитии образовательного потенциала Сибири конца XIX – начала XX вв.: источники изучения проблемы // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1988. С. 182–184 (в соавторстве с К. Е. Зверевой).

26. Роль семейного крестьянского домохозяйства в воспроизводстве сельского населения (по материалам Сибири второй половины XIX – начала XX вв.) // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы к Всерос. науч. конф. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 213–215.

27. Структура воспроизводства населения: К определению предмета историко-демографического исследования // Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX–XX вв.: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Целиноград, 1991. С. 36–38.